

Показания Оли Н.

Автор:

Кир Булычев

Показания Оли Н.

Кир Булычев

«Меня зовут Ольгой. Мне шестнадцать лет. Я проживаю в поселке Гроды, перешла в десятый класс. Отец оставил маму, когда мне было три года, мама работает медсестрой в больнице.

Эти показания я даю добровольно, по собственной инициативе...»

Кир Булычев

Показания Оли Н

Меня зовут Ольгой. Мне шестнадцать лет. Я проживаю в поселке Гроды, перешла в десятый класс. Отец оставил маму, когда мне было три года, мама работает медсестрой в больнице.

Эти показания я даю добровольно, по собственной инициативе.

Об Огоньках я узнала в первый раз два года назад, когда по телевизору показывали первый из Огоньков, о них говорили раньше, но я не помню.

Я как сейчас вижу изображение на экране телевизора – белая капля, которая касается земли и дрожит. Обозреватель сказал, что это удивительное и еще не разгаданное природное явление. Вернее всего – следствие вулканической активности. Тогда это не произвело впечатления, может, потому, что Огонек был

маленьким и разрушений не причинил.

В следующий раз об Огоньках говорили в передаче «Очевидное – невероятное». Оказалось, что Огоньков в той местности насчитывается несколько, а один из них стал причиной большого лесного пожара. Двое ученых, которые обсуждали эту проблему, высказывали соображения, что раз температура Огоньков очень велика – такой на Земле раньше не наблюдали, – значит, Огонек состоит из плазмы. Один из ученых говорил, что Огонек – шаровая молния, только стабильная, а другой уверял, что это природная ядерная реакция. Хотя радиации от него как будто нет.

Не могу сказать, когда Огоньки стали делом обыкновенным. Сначала о них только говорили по телевизору и в газетах, да еще на последней странице, где пишут о всяких курьезах. Потом стали говорить все чаще, потому что Огоньки оказались не такими уж безобидными. И главное – они стали появляться в разных концах Земли. Я помню, как меня поразили кадры на озере Чад. Из озера бил фонтан с паром, а внутри его подсвечивал Огонек – это было похоже на фонтан на Сельскохозяйственной выставке в Москве.

В июле приехала тетя Вера. Она живет в Перми. Рассказывала, что у них много разговоров об Огоньке, который нашли на колхозном поле. Там играли мальчишки, один из них подбежал слишком близко и обжегся. Этот Огонек оцепили войсками и всех из деревни выселили. Но в газетах тогда еще о наших Огоньках не писали.

В первый раз я испугалась, когда показывали большой Огонек в Риме. От него начался пожар – выгорело несколько кварталов. Представляете – вокруг черные балки, пепел, а посреди на пустыре спокойно горит Огонек.

В августе по телевизору показывали, как в Соединенных Штатах бомбили Огонек в пустыне Невада. Над пустыней стояли пыльные столбы, вспыхивали красные взрывы. А потом показали Огонек. Он переместился на дно воронки от бомбы и горел даже ярче, чем прежде. Будто нажрался взрывчатки.

В сентябре прошлого года было опубликовано сообщение Организации Объединенных Наций. И тогда всем стало известно, что в мире уже горит несколько сот Огоньков и с каждым днем число их увеличивается.

Ким, он учится со мной в одном классе, принес тогда домой памятку. Их распространяли во всех городах, там было написано, как себя вести, если увидел неучтенный Огонек, и куда звонить. Там были инструкции – не приближаться, по возможности огородить это явление и следить, чтобы не произошло возгорания. Главное – ни в коем случае не принимать мер против Огонька.

Хотя уже наступила осень и Огоньки начали менять жизнь Земли, для нас, в поселке, они оставались иллюзией, как болезнь орор, – пишут, говорят, а нас не касается. Мы продолжали ходить в школу, и Сесе, это прозвище Сергея Сергеевича, все так же кидал свою папку на стол и говорил: «Здравствуйте, громадяне». Так как все время шли дожди, работать в поле было трудно. Дожди шли везде, и говорили, что виноваты в этом тоже Огоньки – те, что возникли на дне озер, рек и океанов. Они вызывали сильное испарение. Осенью Огоньков было уже так много, что мы почти не видели солнца.

Тогда, в поле, это и случилось.

Был ветер, дождь перестал, и нам не хотелось идти домой в сарай, где мы ночевали. Ребята разожгли костер, пекли картошку, немного пели. Потом пришли Ким с Селивановым, они ходили в магазин за водкой, но водки не достали. Я была рада, потому что уже видела раз Кима пьяным – отвратительное зрелище. А как он может не пить, если у него такие отец и младшие братья?

Даша Окунева начала спрашивать Сесе, что он думает об Огоньках, насколько это опасно. Сесе отвечал, что нельзя недооценивать эту опасность потому лишь, что естественнейшее желание человечества – спрятать голову в песок. Потом Сесе понял, что никто его не слушает, потому что не хотелось слушать о плохом. Я тогда подумала, что мы ведем себя так, будто говорим об ороре. Им болеют другие, и есть специальные люди, ученые, которые занимаются вакцинами и лекарствами. Они в конце концов обязательно догадаются и сделают что надо. А раз мы не можем помочь, так лучше не думать. Легче ведь не будет.

Ким тихо сказал мне, что нужно поговорить. Я знала, о чем он будет говорить. Все знали, что я ему нравлюсь. Я пошла с ним в сторону от костра. Он меня поцеловал, хотел, чтобы мы ушли в кусты, что на краю поля, но у меня не было настроения, а Селиванов стал кричать от костра, будто все видят. Я сказала:

– Не надо, Ким, пожалуйста. Совсем не такой день.

– А какой день? – спросил он. – Дождика-то нет.

Чтобы переменить тему, я спросила, как его мать. Клавдию Васильевну еще на той неделе увезли в Москву, в больницу, у нее подозревали орор.

– Ты не бойся, – сказал он, – я не заразный.

– Я не боюсь.

Мне стало его жалко, потому что многие избегали их дом. Можно сколько хочешь говорить, что орор незаразный, но люди боятся, потому что ведь как-то заражаются.

Я поцеловала Кима в щеку, чтобы он не подумал, что я такая же, как другие. Наверное, он понял. И пошел обратно к костру, ничего не говоря.

Мы стали есть печеную картошку. Даша Окунева сказала:

– Смотрите, к нам кто-то идет.

Она показала в сторону деревни – там загорелся фонарик, будто кто-то шел по полю.

Мы сидели на брезенте, Ким обнял меня за плечи. Мне было его жалко. Я держала его за пальцы, совсем холодные.

Фонарик не приближался. А горел совсем низко, у самой земли. Сесе вдруг поднялся и пошел туда.

Он прошел шагов сто, не больше. Оказалось, что фонарик горит недалеко – просто в темноте не разберешь.

Сесе остановился, сказал:

– Вот дождались.

Сказал негромко, но мы в этот момент молчали и слышали. Я сразу поняла, что он имеет в виду. И другие тоже.

Мы подошли к Огоньку.

Огонек, словно живой шарик, лежал на земле. Он был ослепительно белый, и жар от него чувствовался в нескольких шагах, хотя размером Огонек был не больше детского кулака.

Он был такой легкий, словно воздушный шарик, который прилег на землю, уставши летать, но мы знали, что у этих огоньков очень глубокие корни – тонкие плазменные нити, пронзающие землю на метры. Уже были случаи, когда такой корешок доставал до подземной воды и получался взрыв. Может взорваться что угодно, но Огонек останется тем же, несокрушимым, легким и даже веселым.

Летучая мышь пролетела низко над Огоньком, не сообразив, что это такое. Она исчезла, ярко вспыхнув.

Мы вернулись к нашему костру и затушили его. Картошку доедать не стали – никому не хотелось. Мы пошли к правлению, чтобы позвонить в Москву. Даша Окунева начала плакать. Холмик – лучший математик в школе, хороший мальчик, он мне в прошлом году нравился, пока я не стала ходить с Кимом, – говорил Даше, что ничего страшного не случилось. Уже сообщали, как успешно идут опыты по нейтрализации.

Мы не оборачивались и шли быстро.

В правлении прошли к председателю в кабинет. Председателя не было, его для нас позвали. Председатель был очень огорчен тем, что пропало неубранное поле. Приедут из Москвы, обнесут его колючей проволокой, будут делать опыты, топтать картошку. Теперь никого туда не загонишь убирать...

Председатель нас отпустил, но автобуса или грузовика в колхозе не нашлось, и мы пошли пешком, до станции было шесть километров. Моросил дождь. Мы сидели на влажных скамейках под навесом у кассы. Середина сентября, а казалось, что вот-вот пойдет снег. Холмик разговаривал с Сесе, а я слушала. Ким с Селивановым исчезли – им сказали, что какая-то тетка у станции продает самогон.

За лесом, по ту сторону путей, пылало багровое зарево. Что-то горело. Зарево отражалось в очках Сесе и Холмика. Они казались мне марсианами, которые живут совсем иначе, чем обыкновенные люди. И еще я тогда подумала, может, совсем не к месту: пройдет десять лет, и если мы будем живы, то Сесе и Холмик сравняются. Сейчас между ними большая разница в десять лет, а тогда будет небольшая разница в десять лет. Тем более что оба очкарики.

– Почему мы должны все всегда понимать? – слышала я слова Сесе. – Обезьяна не знает, как работает двигатель внутреннего сгорания, но знает, что ее везут в машине. И ее обезьяньему мозгу не подняться до понимания.

– Но мы же люди, – говорил Холмик. – Мы учимся. Всему можно научиться.

Они разговаривали совсем как равные.

– Научиться с какой целью?

– Чтобы решить задачу, чтобы побороть препятствие.

– Я далек от мысли одушевлять природу, – сказал Сесе, – но я вижу определенную закономерность между нашими усилиями и ее реакцией на них. Пока человек был частью природы и подчинялся ее законам, антагонизма не было. Но стоило ему выделиться из нее, противопоставить себя природе, как началась война.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/kir-bulychev/pokazaniya-oli-n>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)